

**Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету**

Пикалов В. Г. Историческая наука России в XX веке: переоценка важнейших проблем и событий // Проблемы періодизації історії та історіографічного процесу: Харківський історіографічний збірник. – Харків: НМЦ “СД”, 2002. – Вип. 5. – С. 139 – 142.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

РЕЦЕНЗИЯ

**ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА РОССИИ в XX веке:
ПЕРЕОЦЕНКА ВАЖНЕЙШИХ ПРОБЛЕМ И СОБЫТИЙ**

Историческая наука России в XX веке/Отв. ред. Г. Д. Алексеева. — М.: Скрипторий, 1997. — 568 с.

В последнее десятилетие XX века российская историческая наука вошла в сферу масштабных перемен, свойственных постсоветскому обществу. Историографическая ситуация этого периода отразила всю сложность и противоречивость длительного развития советской исторической науки XX столетия.

В среде историков-профессионалов 90-х годов прозвучали слова о кризисе исторической науки, который проявился после 1985 года и принял особый характер после 1991 года. Поиск причин, объяснений, ответов приводил к заключению, что теоретической основой советской исторической науки стала эклектическая доктрина из теоретических и методологических наработок К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, Н. Бухарина, Л. Троцкого, А. Богданова, В. Сталина, подвергшихся в дальнейшем обработке. Появились жесткие определения — «марксизм» перестает быть символом научного знания.

Важной вехой периода стал информационный бум. Завершилась эпоха многолетней «репрессивной» ориентации советских историков в критике «буржуазных фальсификаторов». Наступило время взаимодействия российских и западных историков в рамках активного диалога и продуктивного восприятия идей и концепций зарубежных исследователей. Западная историография в это время также испытывала перемены, сдвигаясь в сторону нового типа историографической модели — информационно-культурного.

В 90-е годы российскую историографию несколько взбудоражила версия о внутреннем расколе в среде историков-профессионалов как в понимании причин, приведших к кризису, так и в поиске путей его преодоления. Была высказана мысль и о том, что их объединяло лишь понимание сути кризиса как кризиса теории и методологии и восприятие происходящих перемен как угрозы депрофессионализации исторического знания. Подобное состояние неизбежно вело к тому, что историографический диалог часто подменялся взаимными упреками в отступлении от принципов профессионализма.

Постепенно в среде историографов сформировалось вариативное отношение к историографическому процессу советского периода. Одни видели в прошлом лишь информационный багаж для ориентации в современности, другие всемерно подчеркивали важность изучения прошлого для понимания особенностей современной историографической ситуации. Наметившийся плюрализм в интерпретации отечественного исторического процесса XX столетия укреплял надежды на дальнейшие перспективы.

В сложных условиях поиска ответа на вопрос «как преодолеть кризис» в 1997 году под эгидой Института российской истории РАН вышла в свет коллективная монография об исторической науке в XX веке. Острые монографии было направлено на переосмысление и переоценку важных проблем и событий прошлого отечественной исторической науки, без понимания которых нельзя уяснить ее современное состояние и ту роль, которую она должна играть в обществе XXI века. Авторы видели свою главную задачу в подходе к созданию обновленной концепции и методологии изучения историографического материала через рассмотрение ключевых проблем, новых тем и вопросов, недостаточно исследованных на предшествующих этапах работы историографов.

В монографии четко обозначены два главных направления исследования историографического процесса: как соотносятся и взаимно влияют друг на друга государственная идеология, политика государства и правящей партии, историческая наука, историческое сознание народа; как отразились взаимоотношения с властью, государственными структурами и коллегами на творчестве и жизненном пути историков различных поколений, школ и направлений. Для исследований авторами привлечен разнообразный и в большей части новый историографический материал, который вовлекает в процесс сопоставления и анализа на протяжении чтения всей книги. При всем этом Г. Д. Алексеева (отв. ред.) пишет в предисловии: «редколлегия не требовала от авторов единой согласованной точки зрения на процессы и явления, связанные с развитием исторической науки в XX веке».

Сложным для анализа и в ряде вопросов дискуссионным является первый раздел монографии. Открывает его работа Г. Д. Алексеевой «Октябрьская революция и историческая наука», в которой рассматривается острейшая идейная борьба по вопросам революций, свершившихся в феврале и октябре 1917 года. Эта борьба отражала политическое противоборство различных социальных и политических сил. Именно она оказала большое влияние на весь процесс формирования историографии XX века. По мнению Г. Д. Алексеевой, таков тип общественного сознания XX века, таков характер отношений между наукой и идеологией, наукой и политикой (с. 41).

Во второй работе Г. Д. Алексеевой «История. Идеология. Политика (20–30-е годы)» конкретизированы основные выводы первой работы: наука всегда так или иначе связана с властью, ее структурами, но тип и характер связи различен.

Вслед за каждой из названных работ идут попеременно две работы А. А. Овсяникова. В первой — «Эпоха в советской исторической науке: В. И. Ленин» — автор подчеркивает противоречие между Лениным-политиком и Лениным-историком и отмечает, что, руководствуясь конкретными сиюминутными интересами политической борьбы, он был больше политиком, чем историком. Автор пишет, что В. И. Ленин выдвигал интересные в методологическом отношении идеи, но не придерживался их на практике. В другой работе Овсяникова — «Непризнанный классик большевистской историографии» — звучит с уверенностью мнение о том, что Л. Троцкий так и не написал своей главной книги, а то, что издано, требует глубокого и скрупулезного анализа.

Затем в монографии следуют две проблемные работы. Первая — венгерского исследователя Томаса Крауса «Своеобразие русского исторического процесса: о дискуссии Л. Д. Троцкого и М. Н. Покровского», в которой автор, не считая Л. Д. Троцкого историком, показывает его методологические подходы к истории России.

Статья С. В. Константинова «Дореволюционная история России в идеологии ВКП(б) 30-х годов» посвящена использованию в идеологии партии традиций русского патриотизма. В ней привлечены очень интересные архивные материалы, отражающие контроль ЦК над написанием учебников в связи с восстановлением в середине 30-х годов преподавания истории.

Л. А. Сидорова в работе «Оттепель в исторической науке. Середина 50–середина 60-х годов» указывает, что этот период был переломным в развитии исторической науки, которая освобождалась от сталинского прочтения истории. В то же время автор отмечает, что историческая наука обрела лишь «санкционированную свободу» и что в течение 60-х годов сложилась новая идеологическая система канонов.

Некоторые вопросы развития исторической науки в 60–80-е годы проанализированы в третьей работе Г. Д. Алексеевой, завершающей первый раздел монографии. В ней убедительно доказывается, что за 70 лет существования советской исторической науки единых характеристик ее развития дать нельзя, поскольку типы взаимоотношений государства и исторической науки, степень взаимовлияния науки и власти были различными.

Второй раздел коллективной монографии посвящен персоналиям выдающихся историков XX столетия, среди которых С. Н. Валк, Б. Д. Греков, А. А. Зимин, В. И. Невский, М. В. Нечкина, А. М. Панкратова, Б. А. Романов, Н. Л. Рубинштейн, Д. Б. Рязанов, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин и П. Е. Щеголев. Авторы биографического жанра вос-

создают в коротких очерках тип историка, который сложился и эволюционировал в советское время под влиянием условий, диктовавших науке и историкам определенный тип творческой деятельности, поведения, влияния на науку. Особый интерес представляют очерки, написанные об ученых их учениками — М. Г. Вандалковской о М. В. Нечкиной, В. Б. Кобринна о А. А. Зимине, А. Сидоровой о А. М. Панкратовой, В. И. Буганова о М. Н. Тихомирове. Восприятие учителя учеником — интереснейшее явление в историографии, которое вносит особые интересные и яркие штрихи в образы выдающихся историков.

Таким образом, монография коллектива российских историографов (16 авторов) — интереснейшее и яркое свидетельство роста в последнее десятилетие XX века внимания ученых к прошлому отечественной исторической науки, что и определяет перспективы ее дальнейшего активного развития. Результаты, достигнутые в ней, пристально изучаются сегодня и, несомненно, привлекут внимание новых поколений историков XXI столетия. Монография является примером серьезного прорыва в методологическом и фактографическом изучении истории исторической науки в России. Монография и сегодня на постсоветском пространстве служит ярким примером необходимого обращения историографов, работающих над изучением особенностей развития историографической культуры независимых государств, в направлении изучения периодов советской историографии. Думаем, что данная монография привлечет внимание украинских историков к изучению особенностей развития украинской историографии в хронологических рамках XX века.